

ДМИТРИЙ НАДЬКИН (Саранск)

О ПРИРОДЕ БЕГЛОГО ГЛАСНОГО В СИСТЕМЕ ГЛАГОЛЬНОГО СЛОВОИЗМЕНЕНИЯ И СЛОВООБРАЗОВАНИЯ МОРДОВСКИХ ЯЗЫКОВ

В глагольной словоформе после корневой морфемы в современных мордовских языках выступают *a/я, o/e, ы/и*. При этом *ы/и* всегда дифтонгического происхождения и, будучи в составе лично-временных или реляционных формативов, несет определенную морфолого-семантическую нагрузку. Морфолого-семантические функции *a/я* еще значительнее и многообразнее, так как он, во-первых, может характеризовать глагольную основу (*a*-овые основы в противовес не-*a*-овым), во-вторых, характеризует производную основу, *a/я* характеризует глаголообразующий суффикс (*-C+a/я* в противовес *-C+o/e* и *-C*) или сам выступает как вокалический глаголообразующий суффикс, в-третьих, входит в состав лично-временных формативов как (исторически) показатель настоящего времени. Гласный *o/e* тоже может характеризовать производную и производную глагольную основу (*o/e*-овые в противовес *a/я*-овым и согласным основам диагностических форм) и, характеризуя производную основу, тем самым характеризовать глаголообразующий суффикс (см. выше). Кроме того, в ряде случаев *o/e* может быть квалифицирован как беглый гласный с чисто соединительной или распространительной функцией при нулевой семантической нагрузке.

Беглый гласный выступает

- а) в исходе лексической основы глаголов 3-го класса (СГ(С)С- > СГ(С)С+*o/e*-) перед личным или субъектно-объектным аффиксом форм с обобщенной гласной основой: эрз. *макс-о-до*, мокш. *макс-о-да* 'дайте' (ср. *макс-сь* 'он дал'); эрз. *пел-е-де*, мокш. *пял-е-да* 'сверлите' (ср. эрз. *пель-сь*, мокш. *пяль-сь* 'он сверлил'); эрз. *сермад-о-до*, мокш. *сермад-о-да* 'пишите' (ср. *сермад-сь* 'он писал'); эрз. *сельмед-е-де*, мокш. *сельмо-д-е-да* 'сглазьте' (ср. эрз. *сельмед-сь*, мокш. *сельмод-сь* 'он сглазил'); перед согласным в анлауте реляционного суффикса: эрз. *макс-о-воль*, *пел-е-вель*, *сёрмад-о-воль*, *сельмед-е-вель*; мокш. *макс-о-ль*, *пял-е-ль*, *сёрмад-о-ль*, *сельмод-е-ль* — 3 л. ед. ч. сослагательного наклонения; перед согласным в анлауте инфинитивной формы: *макс-о-мс*, эрз. *пел-е-мс*, мокш. *пял-е-мс*, *сермад-о-мс*, эрз. *сель-мед-е-мс*, мокш. *сельмод-е-мс* — инфинитив на *-мс*; в абсолютном исходе без-*к*-овой отрицательной формы: эрз. *зъ макс-о*, *пел-е*, *сёрмад-о*, *сельмед-е*, мокш. *ашезь макс-а*, *пял-е*, *сёрмад-а*, *сельмо-д-е* — 3 л. ед. ч. I прошедшего времени;
- б) на стыке производящей основы и согласного в анлауте глаголообразующего суффикса, если производящим словом является глагол 3-го

класса или неглагол с согласной исходной основой; макс-о-вомс, эрз. *пел-е-вемс*, мокш. *пял-е-вомс*, сёрмад-о-вомс, эрз. *сельмед-е-вемс*, мокш. *сельмод-е-вомс* — возможностная форма; эрз. *суд-о-домс* 'содрать кору' (ср. *суд* 'кора'), мокш. *кор-о-домс* 'ревновать' (ср. *кор* 'характер, зависть');

в) на стыке контаминирующих суффиксов: эрз. *-ксом-* < **-кс-о-м-*, эрз. *-ыксэль* < **-ы-кс-э-ль*, мокш. *-лексоль-* < **-л-е-кс-о-ль*;

г) в исходе реляционной основы перед согласным личного или субъектно-объектного аффикса: мокш. *максол-е-нь*, *пялел-е-нь*, *сёрмадол-е-нь*, *сельмодел-е-нь* — форма 1 л. ед. ч. сослагательного наклонения.

Беглый характер *о/е* выявляется

в исходе лексической основы (см. а) — при сопоставлении данных словоформ с диагностическими формами соответствующих глаголов, в случаях внутркатегориального глаголообразования — при сопоставлении производящих основ с основами диагностических форм производящих глаголов, в случаях межкатегориального глаголообразования — при сопоставлении с начальными формами производящих слов (см. б);

в составе сложных глаголообразующих и реляционных суффиксов (см. в) — опосредованно, в результате диахронического анализа; в исходе реляционной основы (см. г) — при сопоставлении с формами с нулевым личным аффиксом.

Рассмотрим дистрибуцию беглого гласного в исходе непронизводных глагольных основ в сопоставлении с соответствующими данными из именной сферы. Очевидно, что анализу должны быть подвергнуты не только глаголы 3-го класса, в которых выступает беглый гласный (СГ(С)С- > СГ(С)С-*о/е-*), но и глаголы 2-го класса (с базисным *о/е* в исходе основы, в отличие от беглого он сохраняется в диагностических формах: *судо-сь* 'он проклял', *иде-сь* 'он спас').

Вот два извлечения об эрзянских именованных основах из нормативной грамматики: «В словах, оканчивающихся на *-го*, *-ко*, *-до*, *-то*, *-де*, *-те*, *-ге*, *-ке*, если этим слогам предшествует закрытый слог, то перед окончанием множественного числа *-т* или *-ть* гласные *о*, *е* выпадают» (Правила 1977 : 61); «... в местном, исходном и направительно-вносительном (на *-с*) падежах гласные основы *о*, *е* (у тех же слов — Д. Н.) выпадают» (Правила 1977 : 66).

Подобные ремарки есть и о мокшанских именованных основах (Правила 1977 : 179, 181). Заметим, что в постпозиции нуля гласного в именной сфере выступают согласные *т*, *т'*, *с*. В стороне от общего правила в основном склонении остаются эрзянская форма аблатива и мокшанские формы *с*-овых падежей: эрз. *пангодо* 'о грибе', мокш. *пангос* 'в гриб'. Впрочем, мокш. *лангс* 'вверх', *лангса* 'наверху', *лангста* 'сверху' при *ланга* 'верх'; мокш. *пингста* 'во время' при *пинге* 'время' и т. д. свидетельствуют о том, что явление коснулось и мокшанских *с*-овых падежных образований. Всего непронизводных именованных основ типа СГСС+*о/е* в эрзянском языке 155 (ЭРС), в мокшанском — 118 (МРС). Нулевую огласовку в ном. ед. ч. имеют из них 26 эрзянских и 11 мокшанских основ, не-*а*-овый гласный в исходе — 129 эрзянских и 107 мокшанских основ. Из 49 эрзянских и 45 мокшанских непронизводных глаголов с основой СГСС+*о/е* в эрзянском — 46, в мокшанском — 42 репрезентируют в диагностических формах основу на согласный. Подавляющее большинство (в эрзянском 42, в мокшанском 38) составляют глаголы вроде *сёлгомс* 'закрывать', эрз. *сельгемс*, мокш. *сельгомс* 'плюнуть', *кочкомс* 'полоть', эрз. *тетькемс*, мокш. *тетькомс* 'раскрыть', *ардомс* 'ехать', *тердемс* 'звать', *уштомс* 'топить', эрз. *эвтемс*, мокш. *эфтемс* 'сновать', обобщенная гласная основа которых имеет в ауслауте *-го/-ге* или *-ко/-ке*, *-до/-де* или *-то/-те*.

Таблица 1

Группа согласных в ауслaute основы	Всего глаголов	Из них с беглым гласным	Всего имен	В том числе с огласованным ном. ед. ч.	Из них с беглым гласным
I С+к/г	эрз. 22 мокш. 21	22 21	54 44	54 44	51—52 42
II С+т/д т'/д'	эрз. 20 мокш. 18	19 17	34 22	29 22	27—28 21
III ки ш ки	эрз. 1 мокш. 1	1 1	6 6	4 4	— —
IV С+с/с'	эрз. 3 мокш. 3	2 3	9 8	2 3	1 1
V нж	эрз. 1 мокш. 1	1 1	8 7	6 4	1 1
VI С+м	эрз. 2 мокш. 2	— —	20 20	20 20	5 —
VII С+н/н'	эрз. — мокш. —	— —	4 3	4 3	— —
VIII Другие группы согласных	эрз. — мокш. —	— —	20 9	10 7	2 1

Так как аффиксы диагностических форм начинаются с согласных *т, т', с, с'* (Надькин 1978 : 53—55), получается, что для не-а-ового гласного в исходе именных и глагольных основ позиция между *г, к, д, т, д', т', с* одной стороны, и *т, т'* (в том числе < *к), *с, с'* — с другой, оказывается слабой. Следует отметить, что это правило не универсально, ибо, во-первых, не охватывает всех случаев нуля гласного как в сфере имени, так и в сфере глагола (см. табл. 1); во-вторых, данная позиция в некоторых формах, например, эрзянском аблативе, мокшанских *с*-овых местных падежах, 2 л. мн. ч. императива (эрз. *сёлг-о-до*, мокш. *сёлг-о-да* и т. п.) и отдельных глаголах (эрз. *аште-к* 'пребывай'), вдруг оказывается сильной для *о/е*. Если сюда присовокупить многочисленные притяжательные и указательные именные формы, суффиксы которых начинаются с тех же *т, т', с, с'* или *д, д', з, з'* (например, мокш. *пангозе*; эрз. *пангот, пангозо, пангост; пангозон; пангось* соответственно 'гриб мой'; '~ твой', '~ его', '~ их'; 'в ~, мой'; '~ тот'), причастно-деепричастные формы на *-зь* (*сёлг-о-зь* и т. п. — в мокшанском только с деепричастным значением), формы опатива с *з/с*-овым суффиксом (эрз. *сёлг-о-зо*, мокш. *сёлг-о-за* — 3 л. ед. ч.), то выступление нуля гласного в данной позиции окажется настолько нерегулярным, что весьма проблематичной и даже сомнительной станет сама позиционная обусловленность. Случаи, остающиеся в стороне, имеют двойной характер. Во-первых, это глаголы с базисным *о/е*. Среди производных глаголов с основами типа СГСС + *о/е* их немного: в эрзянском — 8, в мокшанском — 9%. Во-вторых, это глаголы с беглым *о/е*, не укладывающимся в рамки рассмотренной позиции (после переднеязычных и заднеязычных взрывных согласных). Их процент по отношению ко всем глаголам подобной структуры с беглым гласным в эрзянском языке — 9, в мокшанском — 10. Не исключено, что некоторые совпадения в препозиционной дистрибуции как базисного, так и беглого гласного в глагольной и именной сферах в особых случаях тоже закономерны (см. II, VI в табл. 1).

Для производных глагольных основ типа СГС + *о/е* в сфере имени также обнаруживаются некоторые несомненные аналогии дистрибутивного порядка, связанные с характером гласного ауслата. Выпадение гласного в исходе именных основ типа СГС + *о/е* регистрирует лишь эрзянская нормативная грамматика (для двух слов: *зене* 'карман' и

пеке 'живот' — Правила 1977 : 66). В словарях (ЭРС, МРС, ЭКОС, МОС) это явление представлено шире, причем касается и мокшанского языка (см. табл. 2).

Таблица 2

Всего производных именных основ типа СГС+о/е
эрз. 185 (ЭРС), мокш. 157 (МРС)

с нулевой огласовкой ном. ед. ч.
эрз. 96
мокш. 86

с не-а-овым гласным в исходе
основы ном. ед. ч.
89
72

В том числе с гласным первого слога

	а	о	е	и	у	а	о	е	и	у
эрз.	35	25	18	7	11	24	9	13	19	24
мокш.	31	22	17	4	12	19	8	11	14	21

В том числе с беглым гласным в исходе основы

эрз.	35	25	18	7	11	6	1	3	—	—
мокш.	31	22	17	4	12	5	3	4	—	—

Глаголы с основами типа СГС + о/е в подавляющем большинстве (эрз. 83, мокш. 87%) имеют в ауслaute беглый гласный, причем со стороны консонантизма в его препозиции нет особых ограничений.

При учете гласного первого слога удается выявить одну несомненную закономерность: у имен с гласным первого слога у/и и с огласованной формой номинатива единственного числа гласный ауслaute не выпадает.

Глаголы, сохраняющие в диагностических формах не-а-овый гласный ауслaute, также преимущественно имеют в первом слоге у/и (в эрзянском 9 из 11, в мокшанском — 8 из 9). Но причина, видимо, не столько в качестве гласного первого слога, так как основы с нулевой огласовкой ауслaute у глаголов — в диагностических формах, у имен — в номинативе единственного числа при у/и-овой огласовке первого слога представлены довольно широко (эрз. 60, мокш. 70%), сколько в качестве древней огласовки основы: при у/и в первом слоге не-а-овый гласный в исходе глагольных и именных основ ведет себя как базисный в том случае, если он выступает на месте более древнего а-ового гласного, например, *удо-* 'спать' < *ода и др., — всего 7 корреспонденций из 8 (Надькин 1979 : 97); ср. у имен: эрз. *куво*, -*вот*, мокш. *кува*, -*вот* 'корка' — эст. *kõba*; *миле*, эрз. -*леть*, мокш. -*лет* 'весло' — фин. *mela*; эрз. *пизэ*, -*зэть*, мокш. *пиза*, -*зот* 'гнездо' — фин. *pesä*; эрз. *ие*, *иеть* 'год' < *jika или *ika.

В последнее время в мордовском языкознании вошли в употребление термины одноосновные и двуосновные (имена). При этом имена с основой номинатива единственного числа типов СГСС + о/е, СГСС, СГС аттестуются как двуосновные, а СГС + о/е — одноосновные (Цыганкин 1979 : 40). Очевидно, такая аттестация нуждается в уточнениях. Так, среди имен с основой типа СГСС + о/е в эрзянском языке 33% (42 из 129), в мокшанском — 36% (39 из 107) сохраняют гласный ауслaute при словоизменении, и, следовательно, должны быть причислены к одноосновным (эрз. *локишо*, -*шот*, мокш. *локиша*, -*шот* 'кнут'). С другой стороны, у имен с основой типа СГС + о/е лишь основы с у/и в первом слоге на 100% одноосновные, среди остальных же около 26% имеют в ауслaute гласный, подверженный чередованию с нулем звука (см. табл. 3), и, следовательно, должны быть причислены к двуосновным, например: эрз. *поте*, -*тть* 'грудь (женская)'; *пеке*, эрз. -*кть*, мокш. -*кт* 'живот'; *кече*, эрз. -*чть*, мокш. -*чт* 'ковш' и др.

Таблица 3

Гласный первого слога	Согласный в ауслaute основы	Всего глаголов	Из них с беглым гласным	Всего имен	Из них с огласованным ном. ед. ч.	Из них с беглым гласным
у, и	д/д'	эрз. 5	1	4	3	—
		мокш. 5	—	4	1	—
	з/з'	эрз. 3	1	3	2	—
		мокш. 2	—	3	2	—
	л/л'	эрз. 3	2	8	8	—
		мокш. 4	3	9	9	—
и		эрз. 2	—	1	1	—
		мокш. 2	2	1	1	—
Другие согласные		эрз. 9	9	45	29	—
		мокш. 13	13	38	24	—
Итого		эрз. 22	13	61	43	—
		мокш. 26	18	55	37	—
Другие гласные		эрз. 39	37	124	46	10
		мокш. 46	45	108	38	12

Иерархическое соположение огласованного и неогласованного вариантов не-а-овой именной основы синхронически может быть определено относительно основы номинатива единственного числа с выделением двух разновидностей: 1) СГ(С)С + о/е > СГ(С)С-, где базисный гласный парадигматически ведет себя как беглый: *кенже* > *кенже-нь*, эрз. *кенж-т*, мокш. *кенч-т* 'ноготь'; 2) СГ(С)С > СГ(С)С + о/е, где налицо беглый гласный с чисто соединительными функциями: эрз. *кедь* > *кед-е-нь*, *кед-ть*; мокш. *кядь* > *кяд-е-нь*, *кят-ть* 'рука'. Диахронически внутри второй разновидности есть случаи, когда выступление беглого гласного является по существу восстановлением древнего базисного гласного, например **käte* > эрз. *кедь*, *кеде-*; мокш. *кядь*, *кяде-*, и случаи, когда беглый гласный явно вторичен, например, *тарваз* (< индоиран. **darghas*), *тарваз-о-* 'серп'.

С глагольными основами дело обстоит несколько иначе. Во-первых, в мордовских языках все стандартные глаголы фактически двусловны, так как парадигматическое противопоставление гласных и согласных основ охватывает все глагольные лексемы (Надькин 1979 : 81 и сл.). Во-вторых, в системе глагола нет формы с чистой основой, претендующей с такой безусловностью, как форма номинатива единственного числа имени, на роль исходной: без-к-овая приотрицательная форма слишком периферийна и неавтономна для подобной роли. Диагностические формы занимают в системе глагольного словоизменения особое положение, позволяющее им претендовать на роль репрезентаторов головного варианта глагольной основы (Надькин 1978 : 74—75), в связи с чем о/е-овый беглый гласный, выступающий в ауслaute согласных основ, хотя бы синхронически позволительно интерпретировать как небазисный, интерфиксальный.

Есть основания полагать, что такая квалификация выдерживает и диахронический подход. Количественный анализ, проведенный по данным языков финно-волжской ветви (Надькин 1979 : 93—101), показывает, что из мордовских а-овых основ примерно 86% восходят к домордовским *а-овым основам и примерно 14% — к *е-овым; из о/е-овых с базисным гласным — 90% к *а-овым и лишь 10% — к *е-овым; из мордовских основ с беглым гласным в ауслaute около 46% восходят к *а-овым и около 54% к *е-овым основам.

Таким образом, на мордовской почве в системе глагола произошло смешение *а-овых и *е-овых основ. Не исключен следующий путь развития:

*kunda-n	*kunda-k	*kunda-dz	'ловить'
*kanda-n	*kanda-k	*kanda-dz	'нести'
*kurve-n	*kurve-k	*kurve-dz	'пылать'
*kolge-n	*kolge-k	*kolge-dz	'течь'

(обобщение а как признака наст. вр., появление согласной основы)

(возможность осмысления согласной основы в качестве исходной; на этой базе — смешение *а-овых и *е-овых основ и взаимные переходы)

(«рождение» интерфикса)

кунд-ан	→	кунда-к		кунда-до
канд-ан	→	курва-к		курва-до
курв-ан	→	канд-т	→	канд-о-до
кольг-ан	→	кольг-ть		кольг-е-де
(1 л. ед. ч. индик.)		(2 л. ед. ч. импер.)		(2 л. мн. ч. импер.)

Как и появление а в исходе *е-овых основ перед личным аффиксом свидетельствует об обобщении и переходе этого гласного в состав аффикса, так и массовое появление о/е в исходе этимологически *а-овых основ свидетельствует о переосмыслении о/е и переходе из разряда базисных гласных в разряд интерфиксальных. На мордовской почве *е-овые глагольные основы в подавляющем большинстве (86%) в диагностических формах репрезентируют согласную основу. К такому же финишу пришли многие *а-овые основы. Лишь небольшая часть последних, хотя и сменила огласовку на о/е-овую, базисного характера гласного ауслauta не утратила.

Так как в настоящее время считается доказанным, что в финно-угорском языке-основе наряду с суффиксами типа -СГ существовали суффиксы типа -С (Најдú 1965 : 63; Лыткин 1970 : 110), сказанное об эпентетичности беглого гласного в системе непрямых глаголов в полной мере распространяемо на характеристику беглого гласного в системе производных глаголов. При этом переход производных основ с не-а-овой огласовкой в согласные основы не был таким массовым, как среди непрямых, поскольку гласный оказался в исходе суффиксов многократности-длительности. Удержанию гласного компонента в качестве базисного способствовало то обстоятельство, что большинство простейших суффиксов с указанными значениями построено на базе сонорных н, н', л', й. Потеря гласного компонента приводила к недопустимым в мордовских языках сочетаниям согласных с сонорным в окружении шумных. Простейший суффикс -се- сохранил гласный компонент в качестве базисного, видимо, по аналогии с -не-/но-, -ле-, -йе-. Примечательно, что в именах с консонантной группой шумный + сонорный в ауслaute основы ощущается явная тенденция к сохранению огласовки основы во всех формах (см. табл. 1).

В целом причины дистрибутивного порядка в большей мере повлияли на оформление именных основ, тогда как в глагольной сфере весьма продуктивными оказались процессы морфологического характера — обобщение гласных в исходе основы и переход их в другое качество. Это, по-видимому, своеобразное проявление тенденции к поляризации именной и глагольной систем после распада категории назывательных слов (Майтинская 1975 : 125—129).

ЛИТЕРАТУРА

Лыткин В. И. 1970, Об огласовках некоторых deverбальных словообразовательных суффиксов глагола финно-угорских языков. — Вопросы финно-угроведения, вып. 5, Йошкар-Ола, 109—115.
 Майтинская К. Е. 1975, К вопросу об истоках морфологии в уральских языках. — СIFU III, 124—129.
 Мокшень орфографический словарь, Саранск 1979 (= МОС).
 Мокшанско-русский словарь, Москва 1949 (= МРС).
 Надькин Д. Т. 1978, Репрезентация основы в парадигматике мордовского глагола. — Финно-угристика 1, Саранск, 52—75.
 — 1979, Основа глагола в мордовских языках в аспекте финно-волжской общности. — Финно-угристика 2, Саранск, 81—103.
 Правила морфологии, орфографии, синтаксиса и пунктуации мордовских языков, Саранск 1977.
 Цыганкин Д. В. 1979, Именные основы в мордовских языках в диахроническом освещении. — Вопросы финно-угроведения. Языкознание, Сыктывкар, 40.
 Эрзянь кельень орфографический словарь, Саранск 1978 (= ЭКОС).
 Эрзянско-русский словарь, Москва 1949 (= ЭРС).
 Hajdú, P. 1965, A Magyar nyelv finnugor alapjai, Budapest.

DMITRIJ NAD'KIN (Saransk)

ZUM WESEN DES BINDEVOKALS IM SYSTEM DER VERBALEN FLEXION UND WORTBILDUNG

Im Verbsystem des Ersänischen und Mokschanischen kann man beim Vergleich diagenostischer Formen mit anderen Vertretern des Paradigmas bei einem Teil der Verben im Stammauslaut vor Personal-, Temporalaffixen und Formativen den Bindevokal *o/e* mit semantischer Nullfüllung finden. Von den gegenwärtigen mordwinischen *a*-Stämmen gehen ca. 86% auf den vormordwinischen **a*- und 14% auf den **e*-Stamm zurück; von *o/e* mit Stammvokal sind 90% auf den **a*- und 10% auf den **e*-Stamm zurückzuführen; von Stämmen mit dem Bindevokal lassen sich ca. 46% auf den **a*- und 54% auf den **e*-Stamm zurückführen.

Es ist nicht ausgeschlossen, daß die Entwicklung folgendermaßen verlief:

<i>*kunda</i> 'fangen'	} -n	-k	-d ³
<i>*kanda</i> 'tragen'			
<i>*kurve</i> 'flammen'			
<i>*kofge</i> 'fließen'			

Verallgemeinerung des *a* als Merkmal des Präsens; Auftreten des Konsonantenstammes

Möglichkeit der Auslegung des Konsonantenstammes als Ausgangsstamm; dadurch Verschmelzung der **a*- und **e*-Stämme; gegenseitige Übergänge

Entstehen des Interfixes

<i>kund-an</i> →	<i>kunda-k</i>	<i>kunda-do</i>
<i>kand-an</i> →	<i>kurva-k</i>	<i>kurva-do</i>
<i>kurv-an</i> →	<i>kand-t</i>	<i>kand-o-do</i>
<i>koľg-an</i> →	<i>koľg-ť</i>	<i>koľg-e-de</i>

(1. Pers. Sing. Präsens, Indikativ)

(2. Pers. Sing. Imperativ)

(2. Pers. Plur. Imperativ)